

ЕЛЕНА БОРИСОВА

ПОКОРЯЕТ ПЕТЕРБУРГ

AMARA VEY

Amara Vey
Елена Борисова
покоряет Петербург

<https://litres.ru/74669137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Борисова переехала в Петербург из Томска с чемоданом, банкой сгущёнки и свадебным платьем, которое выбросить не поднялась рука. Она мечтала о новой жизни, а получила работу уборщицы в детективном агентстве «Верность» — и красную папку с делом, которое не разрешали десять лет. Теперь в её ведре не только вода, но и улики, а в таблицах — люди, которые врут очень убедительно. Пирог с капустой, француз с акцентом, кот Барсик и сорок четыре года жизненного опыта против загадочного исчезновения лучшей подружки. Потому что если испечь пирог на шестерых, когда вы вдвоём, — это уже изобилие. А если Елена берётся за дело — это уже не уборка.

Amara Vey

Елена Борисова

покоряет Петербург

ЕЛЕНА БОРИСОВА ПОКОРЯЕТ ПИТЕР

Иронический детектив. Роман. Главы первая — восемнадцатая

Аннотация

Елена Борисова приехала в Петербург из Томска с банкой сгущёнки и привычкой резать всё по два. Через месяц она стала уборщицей в детективном агентстве «Верность», через полгода — помощником детектива, а через год — главной уликой в чужом деле. Иронический детектив о женщине, которая умеет врать только правду, печь пирог на шестерых для двоих и доводить любое следствие до последней колонки таблицы. Восемнадцать глав, семь дел, один счёт, который сошёлся окончательно, — и новый, который только открылся.

Оглавление

Глава первая. Питер, пучок и две морковки, или Уборщица для детектива

Глава вторая. Ревизия по-уборщицки, или Тряпка, ведро и красная папка

Глава третья. Заступ, ведро и сделка века, или Ловко сориентировались

Глава четвёртая. Кашемировый муж, или Флирт не по адресу

Глава пятая. Кофе, конверт и герань, или Восемьдесят рублей за правду

Глава шестая. Пирог на шестерых, или Не ходите домой

Глава седьмая. Кольцо в банке сгущёнки, или Пирог на восьмерых

Глава восьмая. Лион, сыр после десерта и пустая приёмная, или Голос за бетонным забором

Глава девятая. Ведро и рубильник, или Голос с того света

Глава десятая. Склад номер четыре, или Подпись под чертой

Глава одиннадцатая. Клуша, особняк и часы с репетиром, или Свадьба по протоколу

Глава двенадцатая. Полтора миллиона и шестая чашка, или Кража по объявлению

Глава тринадцатая. Депозит по объявлению, или Докажите, что вы — вы

Глава четырнадцатая. Гладкий пол и тихая Жанна, или Копия без души

Глава пятнадцатая. Банка сгущёнки, меченые купюры и седьмая чашка, или Ревность начинается с переспрашивания

Глава шестнадцатая. Первое свидание, две внучки и мадемуазель с круассаном, или Дрожжевое мошенничество

Глава семнадцатая. Красная папка и пирог на двенадцать, или Заключительный счёт

Глава восемнадцатая. Дом мечты, партнёрский бейдж и клиентка в зелёном, или Продолжение следует

Глава первая. Питер, пучок и две морковки, или Уборщица для детектива

Меня зовут Елена Борисова. Не Елена Борисовна — Борисова, фамилия. Впрочем, меня всю жизнь путали: то Алёной назовут, то Александрой при всём коллективе. Я уже не обижаюсь. Елена, Алёна — для меня это вообще одно и то же имя, просто набранное разным шрифтом. Хотите называйте Алёной — отзовусь. Хотите Леной — отзовусь тоже, только быстрее.

Справка для читателя, чтобы дальше было проще. По паспорту я Алёна. Алёна Борисовна, если строго, — но я себя всю жизнь называю Еленой. Во-первых, потому что имя это мне нравится: красивое, ладное, тысячу лет в обиходе, не к нему пристают дразнилки и уменьшительные, от которых у меня сводит скулы. А во-вторых — и это главное, — имя должно подходить характеру. Характер у меня стойкий: скажу прямо, что думаю, при несправедливости — тем более, и скажу так, что неделю потом слуховой проход чешется. Молчать я не умею и не хочу — не тот человек. А Алёнка — имя мягкое, из тех, что прощают. А я, между нами, прощать красиво как раз не умею. Так и живу: паспорт говорит «Алёна», я отвечаю «Елена», и обе мы правы, потому что спорить с

собой у меня никогда не получалось.

Родом я из Томска. Город, между прочим, замечательный: деревянные кружевные домики, все окна в резьбе, и такой снегопад весной, что школа превращается в декорацию к фильму «А зори здесь тихие». Мне сорок четыре года. Овдовела — что по личным ощущениям то же самое, что развелась, только плакать законнее. Сергей болел долго, тихо и, как положено в приличных семьях, не сообщал мне о тяжести ровно до того момента, когда сообщать стало нечем. Я готовила ему бульоны, он сжигал их температурой, и так — два года. Потом привычка «готовить на одного» въелась в меня так глубоко, что я ещё долго покупала в магазине две морковки и резала их с чувством, будто готовлю двоим.

Дочь у меня взрослая. Наташа. Сама сдаёт сессии, сама расстаётся с придурками и сама мне об этом сообщает — постфактум, когда всё уже решено. Разговор наш перед моим переездом состоялся ровно такой, каким его предсказывала любая мать на моём месте.

— Мам, ты точно хочешь уехать? — спросила она по телефону.

— Точно, — сказала я.

— А что ты будешь там делать?

— Жить, — сказала я.

— Мам. — Пауза. Наташа умеет молчать так, что за две секунды успевает прожить всё: разочарование, тревогу, обиду, что её не позвали, и снова тревогу. — Там же на одну

зарплату не очень.

— Я сорок четыре года жила в городе, где на одну зарплату не очень, — сказала я. — Разберусь.

После мужа я пыталась строить отношения. Построила — а жить в них оказалось сыро и сквознячно. Мужчина был нормальный, даже хороший, но с ним я почему-то всё время старалась выглядеть умнее, элегантнее и веселее, чем была, а это, скажу вам, работа в три смены без выходных. Расстались честно. Он даже не заметил, что я устала, — вот это и был ответ.

И вот, собрав волю в кулак, а деньги — в косметичку, я переехала в Петербург.

Деньги, заметьте, заняла у знакомой. Триста тысяч под честное слово. Знакомая Вера плакала от того, что я уезжаю, и от того, что даёт деньги, — по-моему, у неё просто хороший голос для слёз и врождённая интуиция «а вернут ли». Верну, Верочка. Обязательно.

— Лена, а вдруг ты там пропадёшь? — сказала она, пересчитывая купюры.

— Вера, — сказала я, — я сорок четыре года пропадала в Томске. В Петербурге я хотя бы появлюсь.

Внешность у меня, если оглянуться в зеркало честно, элегантная. Не красавица — а элегантная, это другое. Словно человек по себе: ни худее, ни толще. Волосы я всегда собираю в пучок. Не потому что ленюсь — потому что пучок делает из сорокачетырёхлетней женщины ровно то, что нужно:

строгость с изюминкой. Ресницы у меня накрашены всегда, даже когда я беру кредит. Губы — тёплый розовый, маникюр — гель-лак, обычно под цвет настроения. Смуглое лицо и карие глаза достались мне от бабушки, за что ей отдельное спасибо: лицо со смуглостью всякие драмы переносит лучше — морщин меньше видно, а драмы я себе, скажу честно, устраивала охотно.

Накануне отъезда я разбирала шкаф и нашла свадебное платье. Белое, шёлковое, двадцать один год ему, если считать по пуговицам. Выбросить в Томске я его не смогла. Не потому, что ношу в нём какие-то светлые воспоминания, — а потому, что выбросить платье, в котором ты была молода и счастлива, это примерно как выбросить словарь: знаешь, что не понадобится, а рука не поднимается. Платье поехало со мной на дно чемодана, вместе с зимним пуховичком, пилой и банкой сгущёнки.

В поезде Томск — Петербург я ехала трое суток. Попутчицей мне досталась женщина с саквояжем по имени Тома, которая всю дорогу ела инжир. Сушёный. Она раскладывала его на салфетке, как драгоценности, и каждые сорок минут спрашивала: «А вы куда?» — «В Петербург». — «А вы туда?» — «В Петербург». К третьим суткам мы исчерпали тему и разговаривали уже просто глазами.

План у меня был выработан заранее, при ночных подсчётах на кухне, размером с формулу однушки: один. Найти работу. Два. Найти жильё. Три. Найти жизнь. Пункты казались

логичными, пока поезд не подъехал к Московскому вокзалу.

Питер встретил меня, как встречает богатый родственник бедного: сухо, с одолжением. Сначала он принял у меня чемодан, а потом выставил счёт — в виде квартиры, которую я сняла за половину занятых денег. Однушка, четырнадцать метров. Хозяин, Валерий Аркадьевич, гордился тем, что «всё минимально». Кран — не крутить сильно. Плиту — включать на тройку. Сосед сверху, Геннадий, — это не он ходит, это у него привычка такая.

Первую работу я нашла быстро, и работа была — маляр. Да. Та самая женщина в пучке и с гель-лаком, что пахла краской и солидолом и красила квартиры. Ожидала я, естественно, Питер возможностей: витрины, заграница, карьера. Возможностей — много не было. Была подсобка, была стремянка, была мастерица Люда.

Люда — это отдельная глава этой главы. Она могла за одну смену научить держать валик так, чтобы не капало на паркет заказчика, и за ту же смену сообщить мне всё о своей жизни, начиная с подруги Светы, которая, по её мнению, отбивала у неё мужа ещё в две тысячи девятом, а может, и не отбивала, но пусть попробует доказать. Люда впервые увидела мой маникюр на третий день и спросила:

— А это зачем?

— Красиво, — сказала я.

— Оно ж облезет, — сказала Люда с чувством глубокого, почти материнского сочувствия.

И облезло. К вечеру третьей недели гель-лак цвета «байкальский шторм» стал выглядеть как «байкальский шторм после нефтепровода».

Заказчики бывали разные. Одна женщина, узнав, что я «малярша», угостила меня пирогом и подробно рассказала о том, что сын её недооценивает. Другая — заставила переделывать весь потолок, потому что «свет от потолка идёт неправильно». Я перепокрасила. Свет от потолка пошёл по-прежнему неправильно, но под шумок Люда получила премию, а я — опыт.

Потом судьба сжалилась и перекинула меня в «ВкусВилл». Сначала продавцом, потом администратором зала. Ох, не думала я, что сорок четыре года — это возраст, когда хочется, чтобы слово «менеджер» звучало красиво. Стало звучать.

Коллектив подобрался живой. Девчонки называли меня «Лен, выручай», и я выручала. Через полтора года мне предложили должность директора магазина. Я отказалась.

Не потому что глупая — наоборот. Я посчитала: у меня спокойные отношения с людьми, любимое дело, сама себе хозяйка жизни. Зачем мне лишние ночные отчёты и план продаж, от которого седеют даже двадцатилетние? Не глупая — отказалась. Сказала директору: «Мне для счастья достаточно видеть вас по праздникам». Директор обиделся, но так, по-доброму.

Инну я встретила там же, в магазине. Точнее — не встре-

тила, а постепенно разглядела: приходит, уходит, дежурит в одну смену со мной, слушает мои истории про Томск с тем выражением лица, которое у нас у всех отточено: «как интересно». Потом стало не «как интересно», а по-настоящему интересно, потому что Инна оказалась смешной.

Внешность у Инны была такая: метр пятьдесят шесть в сапогах, глаза серые и всегда слегка удивлённые, волосы крашенные в медный — «чтобы не тратить деньги на покраску в седом», — и вечный маникюр цвета карамели. Ходила она в бежевом, будто специально дрессированная под цвет своей натуры. Смеялась Инна, запрокинув голову.

У нас образовался вторичный ритуал: кофе «три в одном» — она настаивала, что это единственно правильный кофе, потому что «в растворимом есть вкус мечты», — и раз в месяц пирог с капустой, испечённый на шестерых, хотя нас всегда было двое. «На шестерых, — объясняла Инна, — потому что если испечь на двоих, это будет пирог. А если на шестерых — это уже изобилие». Это была самая Иннинская из Иннинских фраз.

Один раз она оставила у меня ключ от квартиры. Просто так, «на всякий случай». Ключ был странный, тяжёлый, на кольцо с фигуркой кота. Мне это было не по дороге — живёт она в спальном районе, я в другом. Но я ключ приняла. Почему приняла? Да потому что сорокачетырёхлетняя женщина без замужества, с одной дочкой на расстоянии и с полным пониманием, что такие ключи просто так не оставляют.

Инна говорила: «Вдруг ты захочешь полежать у меня, когда совсем устанешь».

Словом, из всех людей Петербурга она была ближе всех. Хотя, повторяю, к себе мы друг друга не звали. Идеальный формат для сорокачетырёхлетней женщины. Никто не грузит, а тепло есть.

Николя появился позже — на выставке в Манеже, где я, между прочим, пыталась скрыть от охраны, что стою уже второй час у одной и той же картины и размышляю о жизни. Он подошёл и сказал с акцентом, от которого у меня внутри что-то переступило:

— Извините, вы стоите уже сорок минут. Хотите, я вам расскажу, что художник имел в виду? Или вам не стоит знать? Вы явно придумали что-то интереснее.

Николя Морель. Француз. Лет на пять-шесть старше меня — значит, около пятидесяти, хотя в его паспорте, уверяю вас, было меньше. С проседью на висках, которая ему шла. С глазами карими и очень внимательными, как у врача. Высокий, худощавый. Двигался он спокойно, как человек, который никогда никуда не опаздывает, потому что не считает нужным. Одевался он так, что сначала не замечаешь, а потом понимаешь: куртка простая, но на два размера больше, потому что должен быть воздух между тканью и телом. Обувь всегда чистая. Жесты медленные, европейски-вежливые.

Биография у него, как выяснилось позже, была короткая и, как у любого мужчины после пятидесяти, живущего в чу-

жой стране, печальная. Лион, молодость, женитьба — на Жа-
клин, тоже, конечно, несчастной, потому что она, видите ли,
хотела от него слишком много, а он не умел ей это давать.
Дочь Марго. Развод. Жалеть он, по его собственным словам,
не умеет: «жалеть — это как мыть пол в чужой квартире: ру-
ки в грязи, а пользы тебе».

Приехал он в Россию давно. Сначала работал в фирме,
которая его не вдохновляла, а потом открыл курсы француз-
ского языка: маленькие, честные, с плакатом Парижа вме-
сто портрета директора. Учеников у него было двенадцать,
и все двенадцать характеров он знал до самого дна. Мужчи-
ны его возраста, как выяснилось, вообще существуют в двух
ипостасях: либо учат чему-нибудь, либо кого-нибудь. Нико-
ля выбрал гуманный вариант.

Живём мы с ним вместе и по сей день — в моих четырна-
дцати метрах, что стало для всех окружающих непроизноси-
мой смешной историей: француз, у которого в Лионе оста-
лись бывшая жена и дочь, живёт в однушке у Валерия Ар-
кадьевича и по утрам здороваётся с хозяйским котом Барси-
ком через окно. Разъезжаться нам, слава богу, не пришлось:
поезда, как выяснилось, умеют и стоять на одном пути, ес-
ли сигнальный огонь у обоих зелёный. Не хлопал дверью, не
оставлял записок — просто потому, что никуда не уходил. И
это, если честно, самая спокойная глава моей жизни.

А потом Инна не пришла на работу.

Уточню: Инна не приходила на работу часто, но всегда

предупреждала. Она была, как и я, человек ответственный до тошноты. А тут — ни звонка, ни сообщения.

День первый мы — то есть я — переживали спокойно: авось заболела, авось телефон сел. Позвонила в обед — «абонент не отвечает». Позвонила вечером — «абонент не отвечает или недоступен, оставьте сообщение после сигнала».

День второй у меня сорвался с петель.

К обеду я собрала себя по кусочкам и поехала к ней домой. Адрес я знала: спальный район, как у нас все районы, только чуть в другую сторону, где дома чуть новее и дворы чуть печальнее. Однушка на седьмом этаже. Я вошла в подъезд, и мне сразу не понравилось: слишком тихо, слишком пусто, в лифте воняет табаком. Дверь обычная, обшарпанная.

Я позвонила. Раз. Два. Тишина. Начала стучать — не так, чтобы скандалить, а так, чтобы соседи уже хотя бы открыли и объяснили, где я. Дверь вдруг распахнулась.

— Инна?

В прихожей пахло несвежим воздухом. Внизу, на линолеуме, лежала тапочка — одна, правая, карамельного цвета. Дальше — кухня. На кухне, между холодильником и окном, лежала Инна.

Она лежала лицом вниз. Волосы, которые она никогда не укладывала к понедельнику, разметались по полу тёмно-медными прядями. Халат на ней был обычный, хозяйственный, в цветочек, — и на нём, на спине, расплылось тёмное пятно. Оно было аккуратное, маленькое, будто кто-то

хотел не убить, а проштамповать. Рядом валялся телефон — разряженный, экраном вниз.

Я стояла и чувствовала, как по позвоночнику поднимается холод, как будто я пила ледяную воду слишком быстро. Губы у меня дрожали. Я хотела закричать, но закричала так тихо, что даже себя не услышала. Потом села на пол, прямо в прихожей, спиной к двери, и стало мне очень холодно и очень стыдно, что я такая трусиха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.